

Любить нельзя

Автор:

Ева Ройс

Любить нельзя

Ева Ройс

В один прекрасный день папа сообщил мне, что у меня есть брат – ребенок от его первой женщины. Я, наивная дурочка, очень обрадовалась этой новости, даже не осознавая, что он превратит мою жизнь в Ад.

Марк станет моим самым близким человеком и моим личным проклятием.

– Почему я не могу дать тебе отпор? – спрашиваю скорее себя, чем его, но Марк всё равно отвечает с привычной злой усмешкой:

– Потому что ты моя. Давно. Прочно. Бесповоротно.

Ева Ройс

Любить нельзя

Пролог

– Ты не пойдешь с этим сосунком на свидание, – поставил перед фактом Марк. Спокойно. Сухо. Безразлично. В последнее время он общается со мной только таким тоном. Если, конечно, вдруг замечает мое существование, потому что я для него обычно пустое место. Но как бы я не хотела казаться безразличной к подобному отношению, это не так.

Каково быть никем? Когда смотрят на тебя, а видят стену, пол, шкаф, любимый нашим отцом персидский ковер, но не живое существо, человека?

И теперь Марк вдруг решил начать мне указывать? Да пошел он... к своей пятой за текущую неделю девушке!

– Кто мне запретит? Ты? – вскинула я бровь. – А не много ли на себя берёшь... – сделала паузу и насмешливо добавила, зная, что тем самым вызову у него раздражение: – братик?

Он не переносит, когда кто-то напоминает ему лишний раз про нашу родственную связь. И поэтому ни одна душа в университете не в курсе того, что мы брат и сестра. Только по отцу, к счастью. Фамилии у нас разные, а одинаковые отчества – еще не повод считать семьей совершенно не похожих друг на друга людей.

– Полина, – мое имя в его исполнении звучит как оскорбление, которым Марк бьет наотмашь. – Ты. Не пойдешь. Точка.

– Отвали. От меня. Марк, – также выделяя каждое слово, произнесла я и попыталась уйти, но парень перегородил мне дорогу. – Что за?..

– Повторю еще раз, Полина, – он внезапно начал медленно надвигаться на меня, заставляя отступить, – ты не пойдешь на свидание с придурком, у которого одна цель: залезть в твои трусики.

Я моментально вспыхнула. Смущение и злость захлестнули с головой. Что Марк себе позволяет?!

– А какая тебе разница, кто будет лезть в мои трусы?! – следующий шаг назад принес очень неприятное осознание: я в тупике – за спиной лишь холодный

кирпич университетской стены. – Это не твое дело. Может, я хочу, чтобы он...

Договорить я не успела – Марк налетел меня, словно ураган. Накрыл собой и прошипел, обжигая дыханием шею:

– Еще одно слово, и я за себя не ручаюсь.

Я усмехнулась и, перед тем как его оттолкнуть, сообщила:

– Я хочу, чтобы Гоша стал моим парнем. И женщиной становиться я хочу с ним. Возможно, прямо после первого свидания и...

Тому, что произошло дальше, я не могу дать определение, значение и объяснение. Мы просто сошли с ума. Боже, мы просто сошли с ума...

Марк зло рыкнув, прижал меня сильнее к стене, стиснул мои запястья и... накрыл мои губы жестким поцелуем. И поцелуем ли? Он будто ставил на мне метку, выпивал мою душу до дна, чтобы взамен наполнить меня своим дыханием. Яростно, беспощадно, будто наказывая нас обоих за то, чего не должно было произойти, но происходит.

А я... Я тоже потеряла голову. Заболела. Забыла обо всем на свете. Я не менее жарко ответила на его прикосновения, задыхаясь от страсти, нежности, ненависти и чувства неправильности.

Нельзя. Так нельзя.

Но я кусаю его за губу и прижимаюсь крепче, чтобы он и не думал заканчивать бесконечно греховный поцелуй. Слушаю рёв пламени, струящегося по венам, наслаждаюсь болезненной сладостью, снова и снова пытаюсь насытиться им.

Мы сошли с ума. О Боже...

– Оттолкни меня, – прошептал у самих губ Марк, перестав меня удерживать. – Поля, оттолкни!

Я не смогла. Хотела. Очень хотела, даже подняла ладони и положила на его бешено вздымающуюся грудь. Но не смогла. Руки сами обвили вокруг его крепкой шеи, а пальцы зарылись в его немного жестковатые русые волосы. Я задышала чаще, впитывая в себя его пьянящий запах, и прикрыла глаза.

– Поля, – полушепот-полустон, в котором отчетливо ощущается отчаяние. Вязкое, отдающее горечью и обреченностью. – Еще один раз, Поля, последний раз...

Я сама подалась вперед, уничтожая те жалкие сантиметры, которые нас разделяли. Если падать в бездну, то сразу с головой. Если умирать, то с одного выстрела. Если любить...

А нам любить нельзя.

Глава 1

Прошрое

Папа всю жизнь твердил мне, что семья – моя защита, опора и мое все. Только семья меня поддержит, когда другие отвернутся, примет любой и не отвернется, протянет руку, в какой бы я бездне не оказалась. Семья – вот что важно.

И в один день, когда отец сказал, что у меня есть старший брат и он скоро будет жить с нами, я обрадовалась. Точнее, я была в растерянности, но молча приняла это. В нашей семье будет уже три человека и одна кошка. Разве не хорошо? Конечно! Больше любви и поддержки, а дом у нас большой. К тому же... теперь я не буду оставаться так часто одна.

Но как же я ошибалась! Ничего хорошего в наличие брата не оказалось, только слезы и ненависть.

Тощий парень со сбитыми костяшками и взлохмаченными русыми волосами появился у нас спустя еще неделю после разговора с отцом. Его внешность сразу

привела меня в восторг. Разве возможно, чтобы человек был настолько... идеальным? Я ходила в художку и не понаслышке знала о пропорциях и золотом сечении. Наверное, его мама такая же красивая. Может, красивее. Хотела бы я ее увидеть и нарисовать.

- Знакомься, Марк, твоя сестричка Полина, - папа старался выглядеть невозмутимым и весёлым, но я сразу заметила, что его что-то беспокоит. Как потом поняла: у новообременного сына весьма скверный характер и он успел наговорить отцу не самых приятных вещей. - Лина, а это Марк.

- Привет, - я дружелюбно улыбнулась и протянула ладонь. Но и так хмурый Марк, насупился еще сильнее, кривя свое правильное и красивое лицо, и руку не пожал. Он не то что не ответил на рукопожатие, он даже "привет" не сказал. Смотрел насмешливо и зло на меня своими зелеными глазами с золотистыми искрами вокруг зрачка и... все. Под его взглядом становилось неуютно, хотелось укрыться пледом или же убежать, чтобы его не чувствовать.

Чуть позже до меня дойдет, что у него не так с глазами. Нет, безусловно они красивые, но слишком "взрослые" для четырнадцатилетнего мальчика. Марк будто видел мир иначе. Видел всю боль, отчаяние и страх, но не любовь, семью и поддержку, как я. Впоследствии я его всегда жалела, а он меня ненавидел. Считал слабачкой, неженкой и больно бил, обнажив мои слабые места.

- Раз вы познакомились, - нарушил папа напряженную тишину, - то, Поля, покажи Марку его комнату. Марк, а ты есть не хочешь? Можем заказать пиццу, например, или...

- Не хочу, - выплюнул он.

Папа сжал зубы, но позволил показать истинные чувства лишь на пару секунд, а затем снова благодушно улыбнулся и попросил меня сопроводить брата.

Я очень старалась понравиться Марку, пыталась увлечь разговором, но тот меня просто проигнорировал. Шел рядом, но такое чувство, что был непостижимо далеко. Бросив на него растерянный взгляд, замолчала. Возможно, ему надо успокоиться, немного освоится и...

Но едва мы дошли до нужной двери, парень холодно на меня посмотрел и произнес со злой ухмылкой:

– Ты меня бесишь. Не играй в милую сестричку, мы ведь оба понимаем, что вся твоя любезность – ложь.

Кровь прилила к щекам. Что?..

– С чего ты взял? – удивленного спросила я, не понимая, почему он испытывает ко мне такую неприязнь. – Я действительно тебе рада.

– Все четырнадцать лет была не рада, а теперь вдруг безумно захотелось брата? – на этот раз насмешка, но какая-то горькая. – Не смеди меня.

– Я о тебе узнала неделю как, – насупилась я. – И мне только двенадцать.

Марк отвернулся, не желая продолжать беседу, и взялся за ручку двери:

– Да мне плевать. Отвали от меня.

Я до боли сжала кулаки, но ответила как можно более спокойно и добродушно:

– Если будет нужна помощь – я в соседней комнате.

Думала устыдить его, но братец лишь расплылся еще сильнее и, показав средний палец, он почти скрылся в подготовленной ему комнате. Я редко злилась и еще реже меня выводили из себя, однако тогда я не выдержала и бросила ему в спину:

– Мама меня учила, что нельзя отвечать на грубость грубостью. А если твоим воспитанием не занимались, то это твои проблемы.

Я первая убежала к себе, совсем не понимая, что натворила. Тогда я не знала, что каждое мое слово для него было похуже яда. Словно удар в кровоточащие раны. Словно концентрированная порция боли.

На следующий день я уже забыла о нашей стычке, потому что не привыкла носить в себе негатив, а вот Марк помнил. Он вообще ничего не забывает, особенно плохое – чтобы ударить в ответ.

Утром он не спустился завтракать, проигнорировав приглашение и от меня, и от папы.

– Поля, – отец, доев свою порцию блинчиков, отодвинул от тебя тарелку. Вилка, лежащая на ней, протяжно звякнула, ударившись о фарфор.

– Да, па? – я оторвалась от книжки. У нас с папой была традиция читать по утрам. Конечно, каждый свою историю, но после прочтения мы всегда обсуждали и делились мнением о произведении.

– Я хочу поговорить о твоём брате, – он будто специально сделал акцент на последнем слове. – Понимаешь, Марк... очень сложная личность.

Запомнив страницу, на которой закончила читать, захлопнула томик и устроилась поудобнее, готовая слушать. Меня очень интересовал Марк. Почему он такой злой? И грубит все время?

– У него умерла мать, – после короткой паузы продолжил папа. Он говорил медленно, явно подбирая слова. Выглядел при этом озадаченным, хмурым... и виноватым? – Мы теперь одна семья и должны держаться друг за друга. Так что помоги ему... освоиться и немного прийти в себя.

Его мама умерла?..

Эта фраза просто вывела меня из равновесия. Вот и ответ. Я, как тоже пережившая потерю, его понимаю. И жалею, очень.

– А что случилось? Она... заболела? – в глазах защипало от нахлынувших вдруг воспоминаний.

Папа сжал ручку чашки и кивнул.

– А чем?

- Полина, это неважно, - поморщился мужчина. Ему точно не хотелось говорить о своей бывшей. - Главное вот что: подружись с братом. Мы семья, а семья...

- Самое главное, - закончила я, поднявшись, чтобы собрать тарелки. Сложила посуду в мойку, но замерла, так и не открыв воду.

"Все четырнадцать лет была не рада, а теперь вдруг безумно захотелось брата?"
- в голове, как наяву, прозвучал насмешливый голос Марка.

- Пап, - позвала я тихо. - Скажи, а почему он только сейчас переехал к нам?

Папа долго молчал, я уже не надеялась на ответ, когда услышала:

- Я не знал, что у меня есть сын.

Он говорил вроде как простые вещи, но тоном, за которым скрывалось больше, чем он показывал. Целая бездна чувств, начиная от сожаления и заканчивая понимаем, что он столько всего упустил. Но тогда я не обращала внимания. В двенадцать лет редко кто ищет второе дно у людей. В двенадцать мир проще и легче... Так было до него.

С появлением Марка в нашем доме моя жизнь разделилась на "до" и "после". И я в этом удостоверилась вечером, когда тот отомстил в самый первый раз.

Уже больше месяца я работала над картиной, которую собиралась подарить отцу, и думала, что вот-вот на днях ее закончу. Но едва вошла в комнату, выделенную мне под мастерскую, ошарашенно ахнула.

- Что за?..

Медленно ступая, словно по битому стеклу, а не паркету, подошла к мольберту, до сих пор не веря своим глазам. Не может быть... Холст сначала намалевали непонятными символами, а затем просто покроемса! Простой канцелярский нож валялся рядом с местом преступления - на столике с красками.

Пальцем коснулась разорванных разноцветных лоскутов, торчащих со всех сторон...

Зажмурилась до черных звездочек перед глазами, лишь бы сдержать слезы, вызванные безумной обидой, и резко развернулась. Есть лишь один человек, способный на это. Папа ни за что бы не устроил подобное, а Дуся, моя кошка, и давно.

Я не стала закатывать скандал или угрожать тем, что расскажу все отцу. Нет, я задала лишь один вопрос:

- Почему?

Марк стоял, оперевшись на дверь своей комнаты и смотрел на меня снисходительно, немного насмешливо. Услышав мой вопрос, широко ухмыльнулся:

- Я так и знал, что тебе понравится мой подарок. Что там тебя учила говорить мамочка? - сделал вид, что думает, и затем прогнусавил: - Надо сказать "прости" и быть как можно более милой. Ха-ха-ха.

Поджала губы и, стараясь не расплакаться, произнесла:

- Я понимаю тебя, тоже потеряла маму, но...

Не успела договорить. Лицо братца словно окаменело, а зелёные глаза похолодели - от былой ухмылки не осталось и следа.

- Ты. Ничего. Не. Понимаешь, - прошипел. - Не смей пытаться меня жалеть. И отвали, я на доступном языке объяснил, что не желаю с тобой пересекаться.

Марк смерил меня ледяным взглядом, развернулся и захлопнул за собой дверь, оставив меня, растерянную и обиженную, стоять у порога.

Но не с этого момента началась его ненависть ко мне. Тогда брат меня еще "видел", я не была пустотой для него, потому он зло шутил и устраивал шалости.

Ему явно нравилось манипулировать и выводить меня на злость, будто мои негативные эмоции – лучший десерт для него.

Наши отношения всегда походили на хроническую болезнь. С каждым днем они портились, становились хуже, а перед самой точкой перелома началась короткая ремиссия.

В пятнадцать Марк впервые напился. Его дружки притащили его до дома и бросили у крыльца. Я боялась, что они ему что-то так сломали, но нет, кроме царапин и синяков, ничего не обнаружила.

– Марик, миленький, потерпи! – я тащила его наверх одна. К счастью или несчастью сегодня у всех был выходной, и я не могла попросить помощи ни у садовника, ни у водителя с экономикой.

– Куда ты меня... неженка? Ответь, черт подери!

– В постельку. Куда еще-то? – ворчала я в ответ, пыхтя.

Отдыхая каждые пару метров, я все же дотащила Марка до его комнаты. Хуже всего оказалось на лестнице, где брат на несколько минут вырубился и я его едва не уронила, но справилась.

Ему было плохо: тошнило, знобило, поднялась температура. Мне стало так страшно, хотела вызвать скорую, но... Но понимала: отец тогда узнает, и Марку достанется. Папа и так держится из последних сил, а если узнает про эту выходку, то боюсь представить, что случится.

Мне пришлось прятать его от отца и сидеть у его постели всю ночь, не смыкая глаз. Я поила его водой, потратила на него весь активированный уголь из аптечки и безумно обрадовалась, когда его состояние хоть немного улучшилось. Спал он беспокойным сном: просыпался каждые полчаса, в полубреду звал маму, говорил, что любит ее или же наоборот, ругался матом. Убегал от кого-то во сне, плакал и просил остановиться.

– Мамочка, это ты? – хриплым от слез голосом говорил он, ловя мою ладонь и целуя сухими губами. – Мамочка...

Я смотрела на бледное красивое лицо и отчаянно думала, что же могло произойти с подростком, чтобы его... сломить. У Марка не было сил держать свою ледяную маску и плотную оборону из колючих фраз, и я видела его настоящего. Мальчика с кошмарами, со странным шрамом на ребре, который он даже в полубреду пытался скрыть от меня ладонью, и с кучей тараканов в голове.

В тот день я оставила его лишь раз, чтобы приготовить ужин и встретить папу. Конечно, он задал закономерный вопрос:

– Где Марк? Позови его, Поля.

Прикусив губу, замялась и осторожно ответила:

– Он спит.

– В половину восьмого? – не поверил мужчина. – Даже если и спит, то разбуди его. Нам надо поговорить.

Естественно, не пошла будить, села рядом с отцом и мягко спросила:

– Что-то произошло?

– Меня пятый раз за последние две недели вызывают в школу, – устало ответил родитель. – Снова отвратительное поведение, несколько драк и хамское отношение к учителю. Разбуди его, я сказал.

Я вдохнула побольше воздуха и впервые раз солгала отцу:

– Марк сегодня заступился за меня. Я гуляла, ко мне подошел какой-то парень и требовал отдать телефон, а тут брат и... И вот. Марку тоже немного досталось, – вспомнила синяк на скуле. – Он сейчас отдыхает.

На него мои слова произвели впечатление. Марк и встал на мою защиту! Па всполошился, хотел чуть ли не врача вызвать, но я уговорила дать брату поспать и заверила, что все хорошо.

– Ладно, значит, отложим разговор, – заключил Довлатов-старший. – И я рад, что вы с ним нашли общий язык, Поля.

Нервно улыбнулась. Когда Марк спит, то мы действительно находим общий язык. Язык обоюдного молчания.

Впервые мы с братом находились настолько близко столь продолжительное время, при этом не поругавшись. Он, успокоившись, крепко заснул, а я просидела еще немного, глядя на него, но затем и мои глаза закрылись. Совсем не помню, как перебралась в постель Марка, но проснулась я рядом с ним и укрытая одеялом.

Если бы кто-то еще неделю назад сказал, что мы с ним будем спать на одной кровати, я бы ответила, что у шутника большое чувство юмора. Серьёзно. А если бы кто-нибудь сообщил мне, что после этого случая между нами возникнет дружба, то я послала бы уже прямиком в Аркем*. Однако, как бы нереально это звучало, мы действительно внезапно сблизились. Медленно, по чуть-чуть, преодолели ту пропасть, что разделяла нас. Оказалось, что у нас с Марком немало общего: он любил читать и с ним всегда было интересно разговаривать, он фанател от тех же комиксов, что и я, интересовался астрономией, неплохо знал математику и начал изредка помогать мне с трудными задачами.

Марк стал моим другом. Возможно, даже кем-то больше, чем друг, потому что... Сложно объяснить, подобное только чувствуется. Когда сжимают твою руку, выражая поддержку, улыбаются – нежно, ласково, обнимают, будто пряча от всего мира, с интересом слушают, как прошел день, и дают советы.

А как-то он подошел ко мне после ужина и, походив вокруг да около и немного помявшись, спросил:

– Поля, а ты не можешь, пожалуйста... со мной поспать?

При этом он выглядел несколько смущенным, что для Марка совсем не типично. Да, он, конечно, поменял ко мне свое отношение, но сам абсолютно не изменился. Я его и не пыталась изменить, лишь просила быть более мягким и поменьше грубить.

- Мне иногда снятся... неприятные сны, - продолжил Марик. - А рядом с тобой мне всегда лучше.

"Рядом с тобой мне всегда лучше" - наверное, это самые милые и трогательные слова, что мне говорили.

- Могу, конечно, - я широко улыбнулась. - И мы будем сегодня смотреть...

- Никаких девичьих соплей! - предупредил меня брат.

Я закатила глаза:

- Я всего лишь раз захотела посмотреть подростковую драму, а ты уже перечислил меня к сентиментальным девам.

- Угу, - хмыкнул он. - Только забыла одну маленькую деталь: ты приобщаться к киношедевр пожелала со мной, и я терпел два часа концентрированную розовую чепуху.

- Да ну тебя, - отмахнулась я. - Ладно, сам тогда выберешь фильм.

- Я люблю выбирать, - ухмыльнулся Марик, явно задумав показать мне какой-нибудь ужастик.

- Только не... - начала я, уже понимая, что крупно попала.

- Поздно, Поля, поздно!

Потом мы не раз ложились вместе. Мое розовое одеяло уже привычно смотрелось на черном постельном белье Марика. Мне тоже с ним спалось спокойно и уютно, а его запах стал родным.

Я сидела на лавочке в кладовой школы и сквозь слезы смотрела на тетрадь с огромной двойкой. Моей первой двойкой.

Шлеп!

И большая капля упала на линованную поверхность, размазав красную пасту. Мгновенно стерла ее и отложила тетрадку, чтобы не портить еще сильнее.

Все плохо, все просто плохо...

Дверь скрипнула, заставив меня вздрогнуть, я резко повернулась, но выдохнула: это Марк.

– Эй, маленькая, ты чего сырость развела? – взгляд ярких зеленых глаз остановился на плохой оценке. – Из-за такой ерунды?

Я лишь всхлипнула.

Марик подошел ко мне, устроился рядом, обняв за плечи.

– Хочешь, мы вместе сегодня сделаем это задание, и ты завтра покажешь учителю? Обещаю, что он дар речи потеряет от твоего безупречного сочинения. Зуб даю... Хотя он мне самому нужен, потому дам зуб Алексея Михайловича, он учитель, ему и страдать.

– Ты невыносим, – фыркнула я.

– А ты плакса, – он осторожно повернул меня к себе и стер влагу с лица. – Вот так. А теперь улыбнись для меня. Давай, малышка.

И я улыбнулась ему. Для него я готова была на все, а улыбка – какая-то мелочь. За этот год он стал моим самым близким человеком.

– Умница, – похвалил брат, погладил мои щеки и приказал: – А теперь подвинься.

– Зачем? – удивилась, но послушно выполнила.

Марик улыбнулся мне и лег на лавку, устроив голову у меня на коленях. Блаженно прикрыл глаза и пробормотал:

- Как круто.

- А ты не офигел? - притворно возмутилась я, при этом запуская пальцы в его русые волосы.

- Офигел, - нагло ответил он. - И вообще, что за словечки, Поля? Это я так дурно на тебя влияю?

- Да иди ты!

- Увы, меня сдвинет сейчас разве что апокалипсис. И то не факт.

Мы некоторое время просидели в тишине, а затем я вспомнила недавно произошедшее событие:

- Марик, а ты мне не рассказал, куда ты ходил вчерашней ночью.

Его идеальное лицо скривилось.

- Давай не...

- Марк, я жду ответ. Куда ты ходил?

Парень взял в руку одну мою ладонь, погладил ее, немного сжал и, не отпуская, попросил:

- Пообещай, что не разочаруешься во мне. И что не будешь злиться.

Я нахмурилась. Что он натворил?!

- Марк...

На этот раз перебил меня брат:

- Пообещай.

Я не люблю давать клятв, если не уверена, что исполню их. Но произошедшее я точно должна узнать, чтобы в случае чего помочь Марику. Немного подумав, кивнула:

- Обещаю. А теперь рассказывай.

Он ласково погладил мои пальцы, немного сдвинул брови, отчего между ними залегли морщинки, выдохнул, словно не решаясь сказать правду.

- Вчера мы с компанией немного выпили, - неохотно начал брат.

После всего, что с ним произошло в первый раз, он снова взял в рот алкоголь?! Я зло на него посмотрела, но промолчала, ожидая продолжение.

- Поля, ты обещала не злиться, помнишь? - его руки снова погладили мои. Нежно, мягко, с такой бережностью, будто не кожу, а драгоценный хрусталь, который может разбиться лишь от неправильного дыхания. Несмотря на некоторую неловкость, мне безумно... приятно. С Марком вообще всегда приятно. Он словно луч яркого июльского солнца, который разбудил меня и вывел из анабиоза. - Мы выпили и... Я дурак, признаюсь, раз поддался общей глупости. Парни поспорили, сможем ли мы залезть в закрытый киоск. Ну, знаешь, тот, который неподалеку от школы. И мы смогли... Замок хлипкий, один удар, и дверь слетела с петель.

Как же я терпеть не могу его дружков. Ненавижу! Они каждый раз толкают его на дно, пока я пытаюсь подать руку помощи и помогаю ему выплыть. Как же я ненавижу! Впервые испытываю столь негативные эмоции по отношению к незнакомым людям, но мне ни капли не стыдно. Будь они рядом, я бы и драться полезла.

- Вы что-то взяли? - я старалась оставаться спокойной.

- Денег в кассе почти не оказалось, но Серый остатки забрал, сволочь. И парни себе похавать взяли, а я... Я не вор, малышка.

– Марк, – мой голос звенел от негодования, – у тети Маши, она владелица ларька, маленькая дочка, которая все время болеет, а вы...

Я оттолкнула его со своих колен и поднялась. Но отойти далеко не смогла – он поймал меня за запястье и притянул к себе. Обнял, вытер выступившие на глаза злые слезы.

– Мне стыдно, честно, – прошептал он мне, пряча голову у меня на плече. – Я сегодня же пойду и все исправлю. Если надо, куплю новую дверь, верну то, что забрали ребята. Ну же, Поля... Вышло случайно.

– А деньги? Откуда ты возьмешь деньги? – спросила я. Его выходка выбила меня из колеи. Как он мог так поступить? Его приятели-мерзавцы очень даже могли, но Марик...

– "Любимый" папочка давал на карманные расходы, я еще подрабатывал потихому... Черт, Поля, деньги не проблема. Я заработаю и верну, только ты на меня не злись, хорошо?

Марк немного отстранился и приподнял мое лицо, чтобы взглядеться в мои глаза своей зеленой бездной. Меня всегда восхищали его глаза – светло-зеленые и с золотыми искрами вокруг зрачка.

– Поля, ну? Я был не прав, это ужасный поступок. Не злись и скажи что-нибудь. Можешь даже меня ударить, только перестань... разочаровываться во мне. Пожалуйста.

Он действительно был взволнован и боялся потерять то доверительное отношение между нами, что выстроились за относительно небольшой период.

– Нет, я не злюсь, просто сильно расстроилась, – заверила его, все так же хмурясь. – Но ничего, у меня тоже есть деньги. Сейчас сходим к тете Маше, объясним ситуацию и попросим прощения.

Марк несколько секунд растерянно на меня смотрел, а затем спросил:

– Мы?

- Ты и я, - широко улыбнулась я. - Я тебя ни за что не оставлю, Марик. Карина не говорила, как сложно от меня отделаться? Она вон третий год мучается со мной.

- Поля... - выдохнул он. - Ты...

- Самая крутая?

- Круче тебя уже не будет, - хмыкнул брат.

- Не заговаривай мне зубы, - решила добавить ложку дегтя. - Я тебя еще не простила.

- И что мне сделать для того, чтобы простила?

Я сделала вид, что задумалась, и предположила:

- Может, свернешь горы? Вон Уральские неправильно стоят. О, еще мне безумно нравится созвездие Северной короны, можешь достать мне ее с неба? Хотя... Просто будь собой и не совершай необдуманных поступков, Марик. Я знаю, что ты лучше всех на свете. Всех-всех, слово даю и...

И запнулась о его взгляд. Странный, пристальный. И я вдруг поняла, что Марк до сих пор держал меня. До этого его прикосновения почти не ощущались, я к ним привыкла, а сейчас... Словно моя кожа под его пальцами печет. Он настолько горячий? Или у меня лихорадка?

Я не успела ничего предпринять. Смотрела в его бесконечную зелень, пока Марик медленно склонялся ко мне...

То, что случилось дальше, сложно назвать поцелуем. Просто прикосновение губ, которое продлилось меньше двух секунд. Жар усилился, и я испуганно оттолкнула парня. Все мысли мгновенно смешались, словно несобранный пазл, части которого никак не хотели собираться в единую картинку - их слишком много, они все пестрые и с разными уголками для соединения. В голове столько ощущений и переживаний, что... Что я впервые не знала, как быть. Я попала в тупик, где единственный выход - пробить стену и убежать. Неправильный выход, но другой идеи нет.

И я, отчего-то прикрыв ладонью пылающие губы, убежала раньше, чем Марк успел мне что-то сказать. Он меня звал, но я не обращала внимания. Мне надо было подумать. Проанализировать. Принять. Что именно? Что Марк меня... почти поцеловал?

Что это вообще на него нашло?

И как теперь быть?

Еще я не понимала реакцию своего тела. Почему мне так жарко? Так удушающе жарко, будто стою под солнцем, а лучи касаются только тех участков кожи, где побывали пальцы Марка.

Я долго гуляла по полупустой школе и продолжила бы бездумно ходить с этажа на этаж, если бы не папа.

– Полина, где ты? – первым же делом спросил он недовольно. Судя по тону, он зол.

– Я еще в школе, па, – ответила я и осторожно задала вопрос: – Что-нибудь срочное?

– Неважно, – отмахнулся мужчина. – Лучше скажи, где Марк?

Мне стало нехорошо. Вдруг подумалось, что отец мог каким-то невероятным образом узнать о том, что... что чуть не произошло.

– Я его не видела, – дрогнувшим голосом сообщила я.

– Вот паршивец, – прошипел папа. – Если встретитесь – пусть срочно идет домой.

Я пообещала, что так и сделаю, и, завершив вызов, направилась в сторону кладовой, по пути набирая брату, но его телефон был выключен. Помещение, где хранили всякий ненужный инвентарь, было пустым, холодным и неудобным. Лишь на белой стене, еще два часа назад чистой, виднелись пара кровавых пятен. Точно от удара кулака...

Несколько секунд озадаченно смотрела на следы, а затем принялась искать свою тетрадь с двойкой, но не нашла.

– Марк, еще раз уточняю: это были ты и твои друзья? Ты в здравом уме ограбил магазин?

– Киоск, – тихо поправила я, но умолкла, едва отец строго на меня посмотрел.

Я перевела взгляд на брата. Тот стоял почти неподвижно и не уронил ни звука. Ему словно было все равно... Разве он может быть безразличен к своей судьбе? Папа же хочет его отослать в закрытую школу! И если сейчас сделать хоть что-нибудь, то, возможно, он передумает. Довлатов-старший отходчивый человек, надо просто найти смягчить его.

"Ну же, солги", – мысленно взмолилась я. Мне безумно хотелось подойти к Марику и взять за руку, поддержать. Он как только переступил порог, так отец и начал допрос. Откуда-то ему было известно о том, что творилось прошлой ночью.

– Марк, не вынуждай повторять уже трижды или повышать на тебя голос, – у папы уже сдавало терпение. Он хмурился, на лбу залегла жесткая складка, а голос обжигал холодом.

"Солги, Марик, миленький!", – повторяла я про себя, вслушиваясь в напряженную тишину и ожидая насмешливое "нет" и грубую шутку в стиле Марка.

Однако я получила иное. Прожигающий насквозь взгляд парня и бесцветное:

– Да.

– Что "да"?! – взревел отец. – Ты ограбил?

Я ведь знаю, что это не так, что он ничего не взял, но едва открываю рот, начинает говорить Марик.

– Я.

Мне в этот миг захотелось его стукнуть! Что за дурак? Зачем он так? Я ведь даже с тетей Машей договорилась о том, как отстранить от этой истории брата, а тут... Дурак, других слов нет.

– Ладно. А бутылки из-под виски? Тоже ты? – кажется, папа сам не желал рубить с плеча и ожидал хоть каких-то оправданий, чтобы не совершить то, о чем будет жалеть.

– Я. – Марик оставался невозмутимым. – И что?

Что он творит?! Злит родителя еще больше, вместо того, чтобы признать свою вину и рассказать правду.

– Вот паршивец! – прошипел вконец разъяренный папа. – Я тебе даю все, что в моих силах, чего тебе еще не хватает?! Что, твою мать, тебе не хватает, что ты начал выпивать в пятнадцать и воровать?! Может, ты еще и куришь?

– Может и курю, – безучастно отозвался брат. – А тебе не плевать? Как было плевать все четырнадцать лет до этого? Когда это ты успел стать любящим папашей, а?

О, Боже...

– Марик, замолчи! – взмолилась я. – Па, не слушай его, он просто с ума сошел, он говорит не то, что хочет. Ну па-а-ап, прошу тебя, давай он сначала успокоится? Он же все врет, он не виноват...

– Поля, не вмешивайся! Иди в свою комнату! – впервые отец поднял на меня голос.

Я вздрогнула от неожиданности и сделала несколько шагов назад, беспомощно переводя взгляд с папы на Марка и обратно. Однако никуда не ушла. И не уйду. Я должна хоть как-то помочь.

Не смогла. Я ничего не смогла сделать, и из-за этого чувствовала себя отвратительно. После еще десяти минут тирады от родителя, который пытался до последнего достучаться до безучастного брата, он постановил:

- Мое терпение закончилось. Собирай свои вещи.

- Пап... - я со слезами на глазах посмотрела на него.

- Ни слова, Полина! Все уже решено.

А Марк обжег меня холодом своего взгляда, и в нем, среди арктического льда, я отыскала презрение... Ко мне. А затем он быстро поднялся по лестнице и скрылся в коридоре.

Я побежала следом, чтобы догнать и расспросить его, но от большой спешки я упала на ступеньке, разбив в кровь колени. Но даже боль меня не остановила, однако я все равно не успела. Марик запер дверь в свою комнату, и как бы я не стучала и просила открыть, он меня игнорировал.

- Марик, пожалуйста...

Он словно замуровал себя в непробиваемый кокон, сквозь который звук не доносился. И ни мои слезы, ни просьбы - абсолютно ничего он не слышал. А я просидела до позднего вечера у него порога, ожидая, что он выйдет, что мы снова помиримся, и все снова станет хорошо.

Не стало.

Ничего не стало хорошо.

Я много раз говорила отцу, что Марк не грабил киоск. Рассказывала ту версию, что он мне поведал, но, как бы сильно не старалась уговорить его изменить своё решение, он оставался непреклонным, да и Марик не сопротивлялся. Ему было всё равно, что его отправляют в исправительный центр для трудных подростков. Как позже выяснилось, надолго.

Он уехал рано утром, даже не пожелав попрощаться со мной. До этого все дни перед отъездом брат не выходил почти из своей комнаты и не сказал мне ни слова. Я не понимала, что не так, и до последнего пыталась с ним помириться.

Первые три месяца жизни без Марка дались тяжело прежде всего мне. Папа тоже волновался, но он в это время с головой ушел в работу, правда, неизменно каждый вечер звонил в центр и узнавал, как у его сына прошел день. И все три месяца ему очень скудно отвечали, что ребёнок неохотно идёт на контакт. Я же не могла себе позволить избавиться от мыслей о нём. Мой день начинался с его имени и заканчивался им же.

Когда впервые было позволено посетить его... он просто не вышел. Это больно ударило, словно ладонью по лицу наотмашь. Понятно, что силой бы его никто не заставил, а значит, мы не смогли его увидеть.

Через месяц ситуация повторилась, но отец нашел точку давления. Оказывается, он выкупил квартиру его матери и поставил брату условие, что если он хочет её заполучить, ему придётся идти на компромисс. В противном случае она будет продана, и это сработало.

Но когда я встретила с Марком, поняла, что он стал абсолютно чужим. Брат закрылся и не смотрел на меня, ведя беседу только с отцом, но и та казалась крайне напряженной. В последний момент папу позвала сотрудница центра, и мы с братом остались наедине. Не зная, что сказать, я ляпнула первое, что пришло в голову. Вопрос, который мучил каждый день просто сорвался с языка:

– Как ты?

Марик будто подобрался весь. Сунул руки в карманы толстовки и откинулся на спинку дивана. Он даже не взглянул в мою сторону. А я поняла, какая дура. Конечно, плохо! Четыре месяца вдали от дома, полностью оторванный от внешнего мира. Он вправе обижаться на нас с отцом, но... почему у меня такое чувство, что я одна виновата перед ним?

– Мари...

– Не смей больше называть меня так, – рыкнул он, порезав злым взглядом. – Ты для меня пустое место.

И я замолчала, закусив губу от боли, что вздулась в груди, как морской ёж, и царапала изнутри.

Но я не понимала, в чём моя вина. В том, что оттолкнула, когда поцеловал? Так ведь мы брат и сестра! Это... так не должно было случиться.

Как итог, еще через несколько месяцев, я перестала ездить к нему. Не хотела наталкиваться на абсолютный игнор и те злые взгляды, что он бросал на меня при встрече. В центре он провёл два года. На выходные домой приезжал очень редко, но каждый раз умудрялся сбежать из дома. В один из таких дней у нас случилась первая за много месяцев стычка. Брат разбил одну из ценных вещей, что хранилась на кухне, на самой высокой полке. Мамина любимая чашка. Мы с отцом её не трогали, всегда бережно относились, и Марк был в курсе, как дорога нам эта вещь.

– Не будь придурком, Марк! Я же знаю, что ты не такой! – просила я, схватив его за рукав толстовки.

Он собирался уйти, прихватив с собой кухонный нож. Не ведала, зачем он ему понадобился, но мне стало очень страшно, что он натворит что-то ужасное.

Брат ухмыльнулся, протянул руку и просто стряхнул чашку на пол. Осколки брызнули в разные стороны, как драгоценный жемчуг. Потрясённо замерла, не в силах поверить собственным глазам и не в состоянии вымолвить ни слова. Он же осознавал, как дорога нам эта вещь!

– Не лезь ко мне, неженка, – усмехнулся брат и выдернул из моих ослабевших пальцев рукав толстовки.

И, словно ничего не произошло, он спокойно направился к себе. А я встала на колени у осколков и, давясь слезами, собирала каждый из них. Поранила кожу, но это казалось пустяком по сравнению с тем, что творилось у меня внутри. Марк своим поступком всадил тот самый кухонный нож мне в сердце и душу. Глубоко. А затем провернул лезвие, чтобы мне было как можно больнее.

– Полина? – удивился папа, едва вошел в кухонную зону. – Что случилось, милая?

– Марк разбил мамину чашку, – прошептала я, стирая соленые капли с щек, при этом явно оставляя кровавое пятно на коже.

– Он случайно. Вставай, Поля, я обработаю твои пальцы. Ничего страшного, – голос отца дрогнул – солгал, – это всего лишь вещь.

Я знала, что не случайно. Он хотел и сделал.

– Да, пап, Марк случайно...

Склеить чашку мне не удалось – слишком мелкими оказались отколотые части. Вообще, фарфор очень похож на отношения между людьми. Такой же хрупкий, тонкий... и такой же не вечный. Разобьешь и потом не соберешь. А если попытаешься, то ранишь себя, умножая шрамы.

Аркем* – вымышленная психиатрическая больница в городе Готем-Сити из комиксов вселенной DC Universe.

Глава 2

Настоящее

– Сегодня ты отвезешь Полю на занятия. У Влада выходной, – распорядился папа, потягивая из белоснежной кружки кофе.

Марк смерил его ледяным взглядом и ответил, откинувшись на спинку стула:

– Нет. Я не такси для капризных девочек.

Я сжала зубы и промолчала, продолжая дальше кромсать зелень для омлета.

– Марк, я тебя не спрашивал. Отвезешь и точка.

– Па, я могу сама доехать на автобусе, – пытаюсь скрыть раздражение и обиду, сказала я. – Не хочу напрягать брата попросту.

Довлатов-старший с отчетливо слышным стуком поставил чашку на стол и решительно произнес:

– Ты поедешь с Марком, и это не обсуждается. Вы – семья, а семья должна стоять друг за друга горой. Что будет в более тяжелой ситуации, если при подобной мелочи брат не хочет помочь сестре?

Марк нахмурился, сжав зубы. Ему явно хотелось встать и уйти, но он не мог: завтракаем и ужинаем мы все вместе. Это традиция, которую придерживаемся из-за папы, который свято верит, что мы крепкая семья. Но все не так.

Я всегда готовила на троих, хотя брат никогда не прикасался к своей порции. Почему? Потому что мои руки готовили. Кажется, будь его воля, он бы вообще не дышал одним воздухом со мной. Однако я продолжала сервировать на троих чисто из принципа. Сегодняшний день не был исключением. Я поставила перед Марком тарелку, мельком скользнув по нему взглядом... и замерла на миг, не в силах понять, почему рука дрогнула, а сердце прыгнуло в горло от вида тёмно-фиолетовой отметины на его шее.

Марк, заметив заминку, поднял на меня свои холодные бесстрастные глаза, но я уже отворачивалась. Что на меня нашло?

Сев за стол, принялась завтракать, с привычным чувством досады отмечая, что и сегодня он к еде не прикоснулся.

– Марк, ты нужен мне сегодня в офисе, – нарушил молчание папа. – После университета будь добр заехать.

Брат не ответил, но мы все знали: он сделает то, что от него требуется, несмотря на откровенную неприязнь. Я не представляла, чего добивался папа.

Мне было ясно, что этому невозможному парню нельзя доверять. Он сделал всё, чтобы заслужить самую ужасную репутацию среди студентов и вызвать лично у меня непреодолимое желание его убить.

Весь путь до университета прошел в напряжении. Я сидела тише мыши, но все равно ощущала враждебность Марка. Его движения были короткими, остервенелыми, он сжимал руль и смотрел только на дорогу, явно считая секунды до конца поездки. Естественно, он остановил машину не у ВУЗа, а у какого-то кафе в пяти минутах пешком до него. Весь его вид говорил: убирайся из моей тачки, мне ее еще после тебя стерилизовать.

Чувствуя, что вот-вот не выдержу, выскочила из его авто...

И столкнулась с одним из дружков брата. Рома, кажется, которого все называли не иначе как Бритый. Тот хмыкнул, помог поднять выроненный конспект по математике.

– Спасибо, – буркнула, засовывая в сумочку тетрадь. Этого отморозка я помнила отчетливо – он подталкивал каждый раз Марика на дурасти. Помнила и терпеть не могла.

– А ты выросла, малявка, – присвистнул он, оглядев меня. – И стала очень даже ничего.

– Хотела бы я сделать ответный комплимент, но увы, – язвительно отозвалась я. – Всего тебе плохого.

– Да ты ещё и на язычок остра, – хмыкнул он, заступив мне дорогу. – А не боишься?..

Сердце бросилось в горло раньше, чем он договорил, но я задрала голову, чтобы выглядеть уверенно и с силой ткнув ему пальцем в грудь прошипела:

– Не смей так делать! Я не из тех девчонок, что стелются перед вами, как бы вы их не унижали, могу и голову откусить!

Бритый на мой выпад широко ухмыльнулся и отошел, сунув руки в карманы мятых джинс.

– М-м-м, самок богомола мне в этом универе видеть ещё не доводилось, – позади тихо захлопнулась дверца авто. – Но если ты откусишь мне голову после ночи любви, я подумаю над твоими словами.

Рядом встал Марк, не обращая внимания на нашу перепалку.

– Откушу ещё до того, как ты протянешь ко мне свои грязные лапы, – прошипела в ответ.

– Да я тебя... – двинулся на меня Рома, стремясь запугать, но Марк положил ладонь ему на плечо и вскинул бровь.

– Ты чего?

– Она мне угрожает, Чер! Она! Мне!

– Кто “она”? – вкрадчиво задал он вопрос, от которого у меня пропал дар речи. – Здесь нет никого, кто был бы достоин внимания. Пошли.

Бритый бросил на меня многообещающий взгляд, но, ведомый рукой Марка, всё же ушёл. А я смотрела в спину брата и понимала, что моё терпение уже на исходе. Я старалась соблюдать нейтралитет, но он намеренно выводит меня из себя.

Отвратительное чувство. Когда ты что-то мерзкое и неприятное для собственного брата. Настолько чуждое, что он предпочитает делать вид, что тебя попросту нет. Это продолжается изо дня в день, но я действительно больше не могу. С меня хватит!

Обернулась на витрину кафе и с нескрываемым удивлением обнаружила, что Марк и Бритый изучают меню... То есть каждое утро он отказывается от моей стряпни, чтобы позавтракать в кафе. Тем лучше!

Глубоко вдохнув, я поправила сумку и зашагала в университет. Уже у аудитории меня встретила Карина, которая обеспокоено заглянула в мои глаза и нервно поинтересовалась:

– Что, опять?

Я промолчала. Говорить о том, что мой брат видит меня, как пустое место... В общем, лучше я буду обдумывать, как ему его же слова засунуть обратно в глотку, чтобы подавился и надолго запомнил.

Первые две пары прошли на удивление хорошо. Оказывается, быть сукой в мыслях и продумывать план мести не так уж и плохо. Я бы сказала, очень поднимает настроение, отвлекая от гадкого ощущения, которое накрывает в остальное время. И всё, наверное, было бы хорошо, если бы не встреча с Марком в главном холле. Этот придурок, как обычно, находился в кругу своей отпетой на всю голову компании и зажимал девушку.

Мне почему-то вспомнился засос, замеченный на его шее утром, и сердце снова застучало как сумасшедшее. Даже кулаки против воли сжались. И почему меня это так бесит? Можно подумать, у него не может быть отношений, но вероятно, проблема вовсе не в этом. Проблема в том, что он не хочет видеть собственную сестру, хотя я достаточно сделала, чтобы сблизиться с ним. Вот только... Достало!

Чеканя шаг, я прошла мимо, не взглянув в его сторону, но точно зная: он не посмотрел на меня. Для нас в порядке вещей делать вид, что мы никто друг другу. Пустое место, о которое кто-то довольно часто вытирает ноги.

Хватит.

Последнюю пару я просто прогуляла. Поехала домой и принялась готовить ужин, молоть кофе, искать фильм на вечер, чтобы приятно провести время с отцом. Никакой мести. Это, мать его, просто последний шанс. Если нет... Если нет, то пусть катится ко всем чертям. Никогда больше и слова не скажу, потому что боль внутри черствеет. Потому что та вина, засевшая в груди сжимается в камешек и царапает острыми гранями сердце. Сколько мне ещё мучится? Я ведь даже не знаю, в чём виновата перед ним, но он иногда так смотрит, будто... Будто я предала.

Когда вернулся отец, я как раз уже накрывала на стол. Он был очень пунктуальным и того же требовал от нас.

– Как прошел день? – спросила, целуя его в колючую щёку и помогая снять пиджак.

– Прощел прекрасно. Заключение новый контракт с поставщиком. На этот раз на более выгодных условиях, ведь в прошлый у нас была просто зверская комиссия, – отец сполоснул руки, вытер полотенцем и сразу сел за накрытый стол. – А где Марк?

Я уже хотела ответить, как в двери забряцали ключи.

– Вовремя, – хмыкнул глава семьи.

Марк прошел на кухню, кивком поздоровался с отцом и, как обычно, не заметил меня. Я привычно поставила перед папой тарелку с супом, взяла в руки вторую и, глядя брату, в глаза сообщила:

– Твой любимый.

Он снова сделал вид, что не услышал. Не заметил.

Сжала зубы, но не стала настаивать. Мы прекрасно поели. С отцом. Марк, как всегда, не притронулся даже к ложке. Всё так же продолжал сидеть откинувшись на спинку резного стула и смотреть куда угодно, лишь бы не на стол. Возможно, он уже поел где-то. Возможно, собирался позже. Мне неизвестно. Одно знаю точно: больше я не буду пресмыкаться.

Как только с ужином было покончено, он поднялся к себе. Провёл там ровно час, пока мы с отцом смотрели фильм, а потом спустился и молча ушел из дома.

Я была не в восторге от того, что чувствовала. Ненависть вперемешку с обидой и виной. Тот ещё ядовитый коктейль, который изо дня в день отравляет существование.

Когда отец ушел спать, я поднялась наверх и дёрнула дверную ручку в комнату брата. Закрыто, что не удивительно. Не то, чтобы я пыталась пробраться когда-нибудь внутрь, но много раз видела, как он запирает её на ключ.

Хмыкнув, подумала, что для меня не проблема её открыть, что уж говорить об отце, который имеет на то полное право. Ещё год назад Марк подвергался полномасштабным проверкам на употребление и хранение наркотиков, алкоголя и прочей дряни, что он бывало притаскивал домой.

Я вернулась в свою комнату, стянула с себя одежду и, завернувшись в полотенце, отправилась в душ. Единственное неудобство в том, что... ванная комната у нас с братом одна и находится она в коридоре. Раньше мы воевали за право попасть в неё первым, а потом мне просто пришлось вставать на тридцать минут раньше или мыться перед сном, жертвуя бодростью, ведь воевать с этой громилой бесполезно. Он просто сдвигал меня в сторону и полчаса принимал душ, пока я опаздывала всюду, куда только можно было.

Этим вечером меня бесило абсолютно всё. Особенно тот факт, что все мысли крутились вокруг козлобрата, которого хотелось распять на собственной ненависти и четвертовать ножом из гнетущей меня вины.

Так выглядят боль и бессилие.

А ещё меня пугало, что я так много из-за этого парюсь. Слишком много, чтобы не задаваться вопросами и не начинать снова из-за этого психовать.

Дергаными движениями повернула кран горячей воды и вздрогнула от хлынувшей из него холодной, медленно набирающей нужную температуру. Сжала зубы и прикрыла глаза, оперевшись на стенку.

Я для себя уже всё решила. Сделала это давно, но никак не могла найти сил, чтобы переступить через собственные принципы, вбитые в мою голову с детства.

Моя семья – моё всё.

Именно так звучат в моей голове убеждения, когда Марк смотрит сквозь меня, словно не существует человека, названного его сестрой. Какая же это сестра?

Это никто.

Завтра так и будет. Не будет брата, как нет и сестры.

Приняв душ и обернувшись в полотенце, я вышла в коридор и столкнулась с ним взглядами. Братец открывал дверь в свою комнату, но, услышав шум, обернулся, вынудив меня замереть. В коридоре было прохладно, поэтому я незамедлительно покрылась мурашками, но глаза не отвела, как не сделал этого и сам Марк. Он пристально посмотрел на меня, изучив с головы до ног и... усмехнулся.

Кажется, моё сердце стучало в горле. Я вдруг почувствовала себя совершенно голой, будто не было большого махрового полотенца, скрывающего мою наготу от потемневших глаз. Выдохнула и стремительно отправилась в свою комнату, и только после того, как сама закрыла дверь, услышала, как хлопнул своей Марк.

Прислонилась к морёному дубу, пытаюсь успокоить колотившуюся в груди мышцу.

Какого хрена сейчас было?

Глава 3

– Я уезжаю на несколько дней, – сообщил папа следующим утром. – Оставляю все на тебе, Марк. Я же могу быть уверенным, что ничего не произойдет за время моего отсутствия?

Я замерла, так и не перевернув уже румяный оладушек и совершенно пропустив ответ Марка. Папа уезжает? Почему так спешно? Он и раньше летал на командировки, но предупреждал за неделю. А сейчас... Что-то срочное?

– Пап, надеюсь, ничего серьёзного? – обеспокоенно спросила и, спохватившись, вытащила со сковороды подгоревшую выпечку, чтобы выбросить.

– Буду разбираться на месте. Филиал в Питере меня беспокоит. Кажется, стоит найти нового руководителя, – отозвался он и сразу же сменил тему, потому что никогда не любил говорить за едой о работе: – Тебе что-то привезти, Поля?

– Мне? – я в растерянности повернулась к ним. – Не знаю даже...

Марк закатил глаза и, отложив свой ключи от машины, которые он вертел до этого, бросил взгляд на наручные часы. Явно считает секунды до конца завтрака.

Поджав губы, специально медленно сервировала папе оладушки, продолжая с ним беседу про достопримечательности Питера. Сегодня я поставила тарелку лишь перед отцом, проигнорировав брата. Пусть ест и дальше в своем кафе.

Мы быстро позавтракали, и я помогла собрать вещи отцу – он сразу после офиса направится в аэропорт.

– Будь благоразумным и береги сестру, – перед самым выходом родитель тяжело посмотрел на Марка, который выглядел более чем раздраженным. Ему претила мысль, что я остаюсь на его попечении.

– Я уже взрослая, па, – напомнила, тоже раздражаясь. Сейчас Марк обязательно выдаст какую-нибудь шпильку. – Не беспокойся, все будет хорошо.

Как в воду глядела. Он, усмехнувшись и оперевшись плечом о стену, съязвил:

– А я буду и днем, и ночью благоразумным, чтобы, не дай Бог, конечно, с головы нашей Полочки не выпал ни один волосок. Чтобы...

– Не паясничай, – перебил его Довлатов-старший.

– Что ты, отец, я совершенно...

– Не всерьез, – мрачно завершила я за братца, посмотрев на него. Он выдержал мой взгляд с усмешкой на губах. В итоге отвернулась первая я. – Ты же знаешь, пап, Марк совершенно не умеет шутить.

Он слушал с той же усмешкой, но ничего не ответил. Я ведь пустое место.

Попрощавшись с папой, я убежала в универ. Немного опаздывала, а Влад, наш водитель, в отличие от Марка, управлял автомобилем идеально. Ни разу не превышал скорость, не обгонял и не совершал никаких маневров, отчего плелись мы достаточно долго. К началу пары я не успела, и меня не пустили в аудиторию. Кажется, везение с тех самых пор, как Марк переступил порог нашего дома, обходит меня за парочку тысяч километров.

В этом я удостоверилась, когда на перемене ко мне подошла Карина.

– Ты слышала новости? – начала подруга, достав телефон и смотря на переднюю камеру, чтобы поправить русые локоны. – Твой братик сегодня устраивает вечеринку.

Я поморщилась. Он-то знает толк в пустой трате времени.

– И что? Мне плевать, если честно.

Рина приподняла свои бровки, придирчиво рассмотрела их, затем нанесла на губы помаду.

– Поль, ты самое главное не поняла. Вечеринка будет у вас дома.

– С чего ты взяла? – удивленно отозвалась я. Что за бред? Не верю.

– А с того, что мне сказал Женя. Хотел пригласить, а его снова отшила. Прилипчивый, зараза! Каждый раз говорю, что мне он неинтересен, а он?.. В общем, ты же позовешь меня сама?

– Рин, да не будет никакой вечеринки, – улыбнулась ей я. – Марк еще не настолько тронулся умом, чтобы позволить себе подобное.

– Ты его недооцениваешь, – фыркнула она, убрав телефон в сумочку. – Твой брат способен и не на такое.

– А ты слишком предвзята, – нахмурилась я. Понимаю, что Карина недолюбливает Марка, но я знаю его получше нее.

– Поль, наивная ты моя душа, – насмешливо протянула она. – Давай проверим? Поедем к тебе вместе и удостоверимся, что ты его слишком идеализируешь. Он не достоин того, чтобы...

– Хватит. Давай проверим, – я была уверена в своей правоте.

– Окей. До вечера, солнце, – подруга обняла меня, и мы разошлись по своим аудиториям, договорившись встретиться после ее занятий по английскому.

Я тронула незапертую дверь под победное восклицание Карины и вошла в прихожую, заполненную чужими вещами и окутанную дымом дешевого табака.

– Я же говорила, – произнесла Рина, перекрикивая громкие биты. Брезгливо отпихнула чьи-то ботинки и прошла за мной. – Твой брат всегда доставляет тебе неприятности.

У меня просто не нашлось слов для ответа. Я чувствовала... разочарование в который раз. Наверное, я действительно вижу Марка лучше, чем он есть на самом деле. Идеализирую.

– Что за ужасная музыка? У меня уши сохнут, – продолжала подруга. – И под это танцуют?

Мы с ней обе замерли, увидев страстно целующуюся парочку в коридоре, которые чуть ли не срывали с друг друга одежду прямо здесь.

Отвратительно.

– Оу... Не только танцуют, – выдала Карина. – Идем, Довлатова, мы еще до эпицентра тусы не дошли. Там наверняка жарче!

Просто скажите, что я сплю! Что если я открою глаза, то этой толпы здесь не будет!

– Поднимись в мою комнату и подожди меня там, – сглотнув вязкий ком, застрявший в горле, попросила я, понимая, что ее язвительные комментарии укрепляют мою злость. Еще чуть-чуть, и я взорвусь, как вулкан. – Пожалуйста.

– Зачем? – недоуменно спросила она. – Я не хочу пропустить все веселье!

– А я не хочу, чтобы кто-то проверял на прочность мою кровать, – отрезала я.

– Ну вот, – сникла подруга. – Пришла на вечеринку, чтобы подрабатывать охранником. Ладно. А ты сама куда?

– Пойду искать Марка. Попытаюсь вправить ему мозги.

– Ты думаешь, у него они есть? Мне кажется, эволюция обошла Марка стороной, – насмешливо отозвалась Рина. – Но ты попробуй, в чудо верить не вредно.

Я раздраженно на нее посмотрела и двинулась вперед сквозь потные тела студийных и густой запах перегара.

– Эй, иди ко мне, детка! – пробасил какой-то недоумок, хватая меня за ладонь.

– Отвали, – совсем не вежливо бросила я, рывком освобождая кисть. Вытерла руку о свои джинсы.

Во мне бушевал ураган. Злость, непонимание, ярость и... что-то еще, что никак не умирало. Я из раза в раз надеюсь, что очередной его поступок что-то изменит, но... Даже думать об этом не хочу.

В гостиной я столкнулась с той самой девушкой, с которой Марик обжимался вчера в универе.

– Прости, – проговорила я и собиралась дальше продолжить поиски непутевого братца, но девица растянула губы в приторной улыбке и выдала:

– Я не знала, что мой Марк приглашает на свои вечеринки и таких серых мышек, как ты, – ее взгляд прошелся по мне. – Хотя... ты, наверное, спутала коттедж с монастырем. Бывает. Протри свои розовые очки, милая, и вали отсюда.

– А я не знала, что Марк приглашает на вечеринки и эскортниц, – тоже улыбнулась и выразительно посмотрела на ее короткое, достоящее до середины бедра, платье. Пусть мои слова очень грубы, но она сама попала мне под руку и сама же подставила себя под удар. – Хотя... ты стопроцентно перепутала коттедж и притон. Бывает. Советую провериться... к сожалению, не у окулиста.

– Ах ты... – дыша, как курильщик на марафоне по десятикилометровому забегу, возмущенно пробормотала она, не находя ответную шпильку. Достойный ответ придумать не сумела, зато, заметив приблизившегося к нам Марка, она пожаловалась ему: – Чер, эта сучка назвала меня шлюхой! Она! Меня! И какого дьявола эта дрянь здесь делает?

Для начала я здесь живу, но мне безумно интересно услышать что скажет кретин, устроивший дурацкую вечеринку в нашем доме. А Марк будто и не расслышал вопроса. Одним рывком притянул девушку к себе и, развернувшись, прижал её к стене, улыбнулся, как голодный мартовский кот, и что-то сказал, едва касаясь губ. Из-за громкой музыки я не услышала ни слова. Заметила только её усмешку, от которой почему-то кольнуло в груди.

То есть меня вновь тупо “не заметили”. Чего ещё можно ожидать от Марка Чернигова? Только идиотских поступков и игнора.

Я развернулась и всё же направилась в свою комнату, испытывая самые глупые на свете чувства. Снова обида, боль и грёбаный стыд, что мой братец конченный козёл.

– Привет, малышка! – как чёрт из табакерки выпрыгнул откуда-то Бритый, разукрашенный синяками и ссадинами.

– Утром виделись! – рявкнула я, заметив, как какой-то придурок в обуви забрался на диванчик у стены и потягивает алкоголь из пластикового стакана. – Быстро слез, пока я тебе этот стакан не запихнула так глубоко, что ни один проктолог не достанет!

– Оу, сколько ярости... – рассмеялся Бритый. – Ты в курсе, что это не твой дом?

Внимательно проследив за тем, как парень всё-таки слезает с предмета мебели, я повернулась к Роме и посмотрела в его прищуренные глаза.

– Правда, что ли? И с каких пор мне интересно твое мнение? Дай угадать... А-а-а, наверное, с того момента, как я пообещала откусить тебе голову! Слушай, мне плевать, что ты подумал в своей тупой башке, будь добр, свали!

– Все-все, остынь, – приподнял ладони Рома и, потеряв синяк на скуле, пробормотал: – Мне и этой красоты пока достаточно.

Я не стала больше попусту тратить время на него и, кинув последний взгляд на нашу некогда уютную и чистую гостиную, поднялась к себе. Ничего, вот папа узнает и хорошенько поговорит с Марком. И я даже вмешиваться не буду. Устала прикрывать отвратительные поступки брата.

В спальне меня ждала Карина. Она, развалившись на небольшом диванчике, медленно поедала купленную нами по дороге пиццу и до моего прихода втыкала в телефон.

– Ну что, Поля, чудо удалось? – Рина отложила смартфон и похлопала на место рядом.

Я молча бросилась на мягкий диван и, откинувшись на нем, уставилась в белый потолок.

– Поль?

– Подожди, я ищу в себе силы сдержаться и не разнести ко всем чертям их колонки, – поморщилась при очередной смене трека. Теперь играла какая-то композиция с оглушающе громкими басами, отчего, я думаю, внизу паркет трясся. Как можно это слушать?!

– Техника тут не причем. Виноват барахлящий естественный отбор*.

– Бедный дядюшка Дарвин* сейчас в гробу перевернулся, наверное, – хмыкнула я. Потерла глаза и потянулась за куском пепперони. – И как мы спать будем? Беруш у меня нет, шумоизоляция такая себе.

– Адекватного брата тоже нет в наличии, – продолжила подруга. – Тяжелый случай.

– Угу. Давай доедим и попробуем все же заснуть?

Какая же я наивная. Сон не шел, каждый раз прогоняемый шумом с первого этажа. То музыка, то чьи-то крики и радостные возгласы.

– Сколько лет дают за незапланированные, но очень нужные человечеству, убийства? – простила Карина, переворачиваясь на другой бок.

– Много, – с тяжелым вздохом ответила я. – Но если ты решишься, то я с тобой.

– Мир, дружба, топор?

– Два топора, – поправила я с улыбкой.

Мы заснули ближе к трем часам, когда часть гостей, наконец-то, приняла самое правильное решение в своей жизни – свалить. И, естественно, утром подскочили от противного звука будильника сонные и очень злые. Но Марк, как всегда, нашел способ разозлить меня еще сильнее. Разозлить и в очередной раз сделать больно.

Я первая пошла в душ и, одевшись, спустилась вниз, чтобы оценить масштабы вчерашней катастрофы. Марик уже вызвал клининговую команду, так что половину беспорядка они разгребли, но...

Но есть то, что они не могут трогать без присутствия хозяев дома. Потому женщина, увидев меня, подошла и спросила, что делать с вон той испорченной фотографией. Выбросить или?..

Медленно, ощущая, как стремительно бьется в грудной клетке сердце, подошла к указанной кучке, очень надеясь, что...

Мои надежды не оправдались. В очередной раз. Так глупо, правда? Я всегда все надеюсь и надеюсь, хотя это бессмысленно. Надеюсь и верю в Марка, в то, что, что-то изменится, что случится чудо. Карина права.

На полу, среди осколков защитного стекла и частей простенькой рамы, лежал действительно испорченный снимок. На нем сложно уже было что-то разобрать. Чьи-то очертания лица, которые размазались вместе с краской. Картина чьей-то жизни, на которую безжалостно наступил кто-то своей туфлей на шпильке, оставив дырки на мокрой фотобумаге. Было сложно разобрать, что запечатлел фотограф, для кого-то, кто не знает наизусть его содержимое. Наша последняя семейная фотография. Последняя, потому что буквально через месяц наше счастье сравняет с землей диагноз, поставленный врачами. Рак. Точно. Никаких ошибок. Мама больше не будет улыбаться так светло и беззаботно, она не будет расчесывать свои длинные волосы, а я не буду их заплетать, потому что... Не останется у нее ни радости, ни волос, ни шанса на будущее.

Пожалуй, так горько мне было, только когда в одиннадцать с меня сдёрнули любимую мамину золотую цепочку и хорошенько потрепали за волосы. До сих пор помню лицо того ублюдка.

Я быстро стерла горячие слезы, которые уже сорвались с ресниц, и подняла фото, от которого несло спиртом и табаком. Подняла, перевернула и, кусая губы, чтобы не разреветься, вгляделась в расплывчатую синюю кляксу вместо ровного почерка мамы.

– Так что, выбросить? – раздался голос уборщицы.

Выбросить? Выбросить те ниточки, что остались от моего счастливого детства?

Выбросить...

Я поднялась, чувствуя, что во мне что-то сломалось. Не ответила ей и прошла на кухню. Мне нужна вода, иначе я задохнусь в горечи.

Работница клининга, не зная, что делать, задала этот же вопрос подошедшему Марку.

– Выбросите, – при этом он смотрел прямо на меня. В мои глаза, когда выносил вердикт. Как палач, что говорит о казни. Безэмоционально. Сухо. Просто. – Это всего лишь фотография.

Вот так он раз за разом рушит мою жизнь. Просто. Чашка, снимок. Что у меня еще осталось важного? Сердце? Или и там он успел натоптать следы грязными ботинками?

– Какой же ты... – я стерла слезы, что никак не хотели останавливаться. – Я бы дала точную характеристику, но не люблю оскорблять людей.

– И кто же я? – усмехнувшись, сказал он. – Давай, скажи это вслух. Ублюдок? Мерзавец? Тварь?

– Хуже, гораздо хуже. Знаешь, я впервые вижу человека, у которого нет никаких ценностей. Который никого не любит, кроме себя. Ты, наверное, даже свою маму не любил. Ты жалок, Марк. Очень жалок.

– Продолжай, – холодно произнес брат. При этом ни один мускул на его лице не дрогнул.

– Не хочу. Покопайся в себе, может, вдруг услышишь свою совесть, если та ещё не сдохла, потонув в твоей бесчеловечности.

Я открыла нижний шкафчик и решительно бросила фотографию в урну, стараясь не думать о том, что больше никогда его не увижу. Горечь затопила сознание, стягивая болью грудную клетку, но в следующую секунду я сделала глубокий вдох и прекратила плакать.

Всё это его вина. Тупая вечеринка, пьяный сброд и неисправимые последствия. Если подумать, то он должен мне как минимум два воспоминания о женщине, которая занимала половину моего сердца. И если я задам себе вопрос, простительны ли его поступки, то ответ однозначно будет отрицательным.

Пора уже вычеркнуть Марка из списка тех, кого можно прикрывать собственной спиной. Он мне не семья. Он – чудовище, что грязными лапами топчет мою душу. Ублюдок, не знающий границ родственной любви.

Сжала зубы и взяла стакан с верхней полки, но воды в него так и не набрала, замерев напротив раковины. От подступающей к горлу истерики больно дышать. И как вообще можно справляться со своими эмоциями, когда день ото дня тебя утягивает в пучину отчаяния, благодаря человеку, к которому никак не можешь стать равнодушной? Он же делает всё для этого, так почему?

Выдохнула и едва ли не швырнула несчастную посуду на стол. Развернулась и, не глядя по сторонам, отправилась в свою комнату, совершенно позабыв, что у меня в гостях подруга, которая, увидев меня, тут же принялась выяснять, что случилось.

- Его дружки испортили последний наш с мамой снимок, где она ещё здорова, - кусая губы, проговорила я. - А он... Ему было плевать.

Подруга обняла за плечи и тихо, но с глухим раздражением сказала:

- Долго ты ещё будешь терпеть подобное отношение к себе от этого гада? Разве прошло мало времени с той поры, когда он вернулся? Отомсти, Польша. Может, тогда дойдёт, что ломать чужие воспоминания - подло?

Отомстить? Я же не из таких... Но вспомнив, с каким выражением на лице он разбил мамину чашку и велел выбросить "всего лишь фотографию", я неожиданно поняла, что сильно злюсь. Не могу простить. Почему он может вести себя, как последняя тварь, а я должна молчать? Подставлять другую щеку для удара? Ну уж нет!

- Ты права, - выдохнула, стирая слёзы. - Права, Рина. Надо показать ему, как это бывает больно.

- Вот и я говорю, что нельзя спускать с рук такие обиды. Да и не убить же ты собираешься его, в конце концов.

Я разжала объятия и криво улыбнулась, заглянув подруге в глаза.

- Вот только я совершенно не знаю, что делать.

- Уничтожить его фотографии? - улыбнулась та заговорщицки в ответ.

Вопрос в том, есть ли у него фото. Наверное, должны быть. Он тоже потерял маму.

Я усомнилась на мгновение, представив, что он испытает такую же боль от потери простого снимка. Может, поискать другой способ?

– О нет! Я уже вижу, что ты сравниваешь его с собой, – Карина схватила меня за плечи и встряхнула. – Вот только он не ты. Эта бесчувственная скотина совершенно не думает о твоей боли, Поль! Не смей его жалеть. Снова.

Сжала зубы и кивнула.

– Не буду. Хочу показать ублюдку, что такое настоящая боль. Может, тогда до него дойдёт, наконец, что я живая?

Подруга меня снова обняла и погладила по волосам.

– Всё хорошо будет, Поль.

Не сразу. Но я в этом даже не сомневаюсь. Марк закончит учёбу и свалит из нашей с отцом жизни, а пока я буду всеми силами портить его нервы собственным существованием. Хорошая сестрёнка на него не действует. Равнодушная тоже. Может, стервозная соседка проймёт?

– Ладно, идем завтракать, Рин, – решительно произнесла я, поднимаясь.

– Надеюсь, Марк уже свалил, – недовольно отозвалась подруга, направляясь за мной.

Брат действительно ушел. Работников клининговой службы я тоже не обнаружила. В доме воцарились воцаренные тишина, спокойствие и уют... К сожалению, временные. Вечером снова вернется Марк, и все испортит. Надеюсь, хоть дружков снова не притащит.

Но я ошибалась. Он начал приходить домой только днем, когда меня не было: я видела, что не все вещи лежали на своих местах и нашла быстро скинутую футболку в ванной, чтобы мы не пересекались. Ночевал он также вне дома.

Прекрасно. Мне же лучше.

– Поль, не забыла? – недовольно спросила Рина, едва я ей рассказала, что брат опять непонятно где шляется.

– Ты о мести? – я поудобнее приставила телефон к уху, зафиксировала плечом и начала выдвигать ящики отцовского стола. – Нет, конечно. Ищу сейчас ключ от его комнаты. И где же папа хранил запасные?..

– Ключ от комнаты? – удивилась подруга.

– Угу, – я вытащила нужную связку. – Марк запирает ее, чтобы никто к нему не лез в его отсутствие.

– Ты и Андрей Федорович прямо спите и видите, как вламываетесь в его спальню, – Карина явно закатила глаза. – Итак, Довлатова, нашла? Идем изучать логово страшного дракона?

– Черт, – прикусила губу, думая, как теперь быть. – Не нашла. Кажется, не идем.

На том конце провода повисла пауза, а затем раздался решительный голос подруги:

– Идем! Бери шпильку, вооружись храбростью и пошли.

– Ты чудо! – улыбнулась я.

– А вместе мы чудовище для твоего братца. Топай давай!

Хмыкнув, убрала учиненный беспорядок и направилась к комнате Марка. Только взялась за ручку, как дверь спокойно поддалась назад.

Что?..

– Рин, он забыл запереть... – чувствуя, как начало сильно биться сердце в груди, прошептала я.

– Да ладно?! – подруга чем-то подавилась и, откашлявшись, повелела: – Заходи скорее! Даже судьба хочет, чтобы ты поставила его на место.

– Вхожу, – кивнула, хотя Карина все равно бы не увидела, и открыла пошире дверь. Прикрыла ее за собой и прошла вперед, озираясь вокруг. Светлая комната, чистая, пахнет одеколоном Марика и его запахом, широкая постель, пара постеров над ней, рабочий стол с учебниками и широким моноблоком, книги на полках, гитара в углу и...

– Ну что там? – нетерпеливо протянула Рина, нарушая воцарившуюся тишину и заставив меня вздрогнуть от неожиданности. – Расчлененные девственницы? Пентаграммы? Куча носков и остатки ужина десятилетней давности? Пауки?

Этого просто не может быть... Если я прятала за рамками мамины фотографии, то Марк...

Не верилось. Просто не верилось! Однако я своими глазами увидела!

Марк хранил мои рисунки. Все подаренные мною открытки, все зарисовки. Даже та картина, которую он когда-то исполосовал, была аккуратно склеена и повешена на стену.

Я до этого момента была уверена, что он их разорвал и выбросил, если вообще не сжег. Я была уверена, что он ненавидит все, что связано со мной. А сейчас... Что мне сейчас думать? Прежнее мнение о нем, словно стекло, разбилось вдребезги.

Но одно теперь я понимала точно: я совершенно не знаю того, кого называю своим братом.

– Поля, не томи! – поторопила меня Карина.

– Я тебя разочарую, ничего такого нет, – несколько заторможено выдавила я, сглотнув ком в горле. – Все чисто и...

Я запнулась. Навострила уши, очень надеясь, что мне послышалось... В тишине отчетливо слышались шаги. Шаги, которые неумолимо приближались!

– А что ты... – начала Каринка, но я быстро сбросила вызов. Спрятала телефон в карман шорт и испуганно заозиралась. Где бы спрятаться? Черт! Диван, стол, шкаф, кресло... Шкаф! Долго не думая, залезла в его нутро, очень радуясь, что он широкий и вместительный, а я не очень высокая и худая.

Я только закрыла створки, скрыв себя, как распахнулась дверь, и шаги приглушил мягкий ковер, который застилал комнату Марка.

"Пусть он уйдет", – взмолилась, затаив дыхание и зажмурившись. Вот приспичило же ему домой! В восемь вечера! Два дня не появлялся, а сейчас, как назло, приехал! И что же делать?

Че-е-ерт. Вдруг заметит?

Едва слышно выдохнув, открыла глаза. Через маленькую щель, что я оставила для вентиляции, отлично было видно Марика, который, сбросив кожаную куртку на свою постель, рывком стянул простую черную футболку, обнажив торс с отчетливо видными кубиками.

Тяжело сглотнула. Хотела снова зажмуриться, но не смогла.

Взялся за ремень, протяжно звякнула пряжка.

"Эй, не надо!", – в моей голове панически завопили тараканы. А я круглыми от происходящего глазами продолжала смотреть.

Он расстегнул лишь молнию и внезапно замер. Все его мышцы напряглись, отчего Марик стал каким-то совсем крупным. Внушительным просто. Но его заминка длилась всего пару секунд, потом он вернул на место ремень, так же молниеносно скрыл натренированное тело футболкой.

Но не успела я перевести дух и выдохнуть с облегчением, как ожил мой смартфон. Раздалась дьяволова вибрация, сдавая меня со всеми потрохами!

Мамочки...

Проклиная Карину и ее любопытство, отклонила вызов дрожащими пальцами и выключила телефон, но было уже поздно. Только глухой не услышал бы его, а Марк, к сожалению, имел отличный слух и к тому же не мог оглохнуть на время. Он медленно, словно еще больше издеваясь надо мной, сделал шаг вперед, затем следующий. Так медленно, завораживающе медленно!

У меня дрожали руки, сердце билось где-то на уровне горла и настолько сильно трепетало, что мой пульс меня оглушал. Боже, какой же будет скандал! Это просто конец, это просто...

Когда между Марком и шкафом осталось всего пара шагов, я зажмурилась.

Ну все, сейчас он откроет, посмотрит на меня и... Додумать, что же такого "и" будет, я не успела. Раздался противный рингтон, нарушив напряженную тишину и, кажется, тем самым спасая меня. Я сначала не поверила своим ушам, продолжая ожидать свою участь. Но глазам я пока доверяла и, когда увидела, что Марк отошел, чтобы взять свой смартфон, мысленно расцеловала позвонившего. Плюс миллион к его карме однозначно!

- Да, отец, - сухо поприветствовал брат. - Да, помню. Сейчас. Хорошо. Уже еду.

Куда едет? Что помнит?

А потом до моего тормозящего сознания дошло, почему пришел домой Марик и почему отец ему позвонил. Он же то ли сегодня, то ли завтра должен был вернуться из командировки! А я, поглощенная сначала учебой, а затем мыслями о мести, совершенно об этом забыла. Ну что, дозабывалась!

Но тем не менее спасибо папочке за своевременный звонок. Он даже на расстоянии умудряется меня выручать.

Тем временем парень закончил короткий разговор, поднял свою кожанку, сунул телефон в карман и...

Он просто ушел?!

Почему?

Я еще пару минут сидела и смотрела с удивлением, смешанным с облегчением, на пустую комнату. Дышала, больше не таясь, но при этом не могла взять себя в руки и подняться. Коленки тряслись до сих пор, если честно. Глупо, конечно. Марк мог что-то забыть и вернуться, но стресс явно высосал из меня все силы, а еще... Его запах, исходящий от аккуратно развешанной одежды, так умиротворял и странно действовал на меня. А еще возвращал меня в детство, в те беззаботные времена, когда я могла просто вломиться к нему в спальню, обнять его или как-нибудь безобидно разыграть.

Что же мы натворили, Марик? Почему получилось так, что мы из самых близких людей превратились во врагов? И что я вообще здесь делаю?

Тяжело вздохнув, я поднялась и, наконец, покинула шкаф. Бросила еще один взгляд на свои рисунки, стараясь ни о чем не думать, вышла из комнаты брата. Когда прикрывала за собой дверь, мелькнула мысль, что он ее опять не запер. Снова забыл?

Уже в своей комнате включила телефон, набрала Карину. Она подняла трубку почти сразу:

- Черт, Довлатова! Не пугай меня так. Я уже планировала лететь к тебе что есть мочи и спасать от чудищ!

- Ты меня наоборот чуть ли не в лапы этим самым чудовищам передала, - ответила, немного смягчившись. Все же Рина ни в чем не виновата.

- Та-а-ак! С этого места поподробнее!

- Да тут нечего говорить, - залезла в свою кровать и укуталась в одеяло. - Внезапно вернулся Марк, я залезла в шкаф, он начал раздеваться...

- Что он начал делать? - ошарашенно переспросила подруга. - Раздеваться? Серьезно?

У меня от одних только воспоминаний вспыхнули щеки и дыхание сбилось. Капец, конечно, денек!

– Не волнуйся, сегодня удача была на моей стороне, и дальше футболки он не зашел, – вернув себе самообладание, заверила я Карину. – Потом позвонила ты, он уже направлялся ко мне, как в последний миг его отвлек вызов от папы.

Карина, потрясенная услышанным, молчала, а я после паузы завершила:

– Марк ушел, а я поспешила убраться. Ноги моей больше не будет в его спальне!

– Ну ты даешь, Полин! Только ты можешь пойти мстить, но вместо этого смотреть на стриптиз, – хмыкнула Рина, рассмеявшись.

– Это был не стриптиз, – пытаюсь остудить щеки, не согласилась я.

– Ладно, сделаю вид, что поверила. Ты мне скажи другое: нашла что-нибудь?

А это уже неправильный вопрос. Проблема в том, что нашла, и теперь не знаю, что и думать. Марк слишком сложный. Он как кубик Рубика, только с большим количеством цветов на гранях.

– Ни одной фотографии, – выдала я чистую правду. Мне отчего-то не хотелось делиться увиденным. Нет, дело не в доверии, просто... Слишком личное.

Дальше разговор не клеился. Карина пыталась узнать побольше, чтобы уже самой выстроить план идеальной мести, а я не находила слов для ответа. К тому же мой прежний запал пропал. Я считаю, будет достаточно полного игнорирования брата: опускаться так низко и вредить ему мне не хотелось. В итоге, сославшись на необходимость приготовить ужин для папы, я завершила звонок.

– Куда делась фотография со стены, Полина? – чуть нахмурившись, спросил папа.

Все же заметил, причем сразу. Виновато улыбнулась, чтобы скрыть свои истинные чувства, и соврала ему:

– Я убиралась и случайно уронила ее прямо в ведро с водой. Мне так жаль... Прости, папуль.

Как же Марк... Почему я его продолжаю выгораживать? Почему бы мне впервые не наябедничать? Почему я из-за него лгу самому близкому мне человеку? Почему? Столько вопросов, но ни одного ответа.

– Ничего, – было видно, как трудно ему даются эти слова. – Главное, что с тобой все в порядке. К тому же у меня сохранились сканы. Напечатаем заново.

Я понимала, что он говорит так, чтобы не расстраивать меня. Ценность предоставлял именно оригинал. Его касались руки мамочки, она сама вывела снимок, она же подписывала... А что даст новый экземпляр?

– Прости, – я опустила голову. Вот такая непутевая у тебя дочь, папа. Не смогла уберечь ни цепочку, ни чашку – ничего.

Я ожидала чего угодно, но не того, что подключится в разговор Марик! И, представьте, не для того, чтобы бросить шпильку или насмешливым тоном высмеять меня.

– Это я виноват, а не Полина. Завтра сам распечатаю фотографию и повешу ее обратно.

Я удивленно на него посмотрела. Вроде выглядит здоровым... Неужели совесть проснулась?

– Я рад, что вы с Полиной все же нашли общий язык, – сделал свои выводы Довлатов-старший, улыбнувшись. – Правильно, Марк. Полина – твоя сестра и...

– Я просто признал свою ошибку, – перебил парень, легко пожав плечами. – Ничего другого. И мне пора. Спокойной ночи.

Он вышел из-за стола и, не глядя на нас, развернулся и направился в свою комнату. Я проводила его фигуру, пока он не скрылся за поворотом, ощущая... раздражение и злость. Может же он испортить все! Придурок и козел!

Нет, рано я начала праздновать появление совести. Это у него эго мутировало и выдает вот такие сбои в виде произнесенной им фразы. Скорее всего, братец забудет про свое щедрое предложение уже через пару минут.

- Он не хотел тебя обидеть, - я сжала ладонь папы. Он был напряженным, злым и... в его глазах столько всего, что мне немного страшно. - У Марка тяжелый характер, ты знаешь.

- Знаю, - он вперил взгляд куда-то в стену, сжимая в другой руке вилку. - Я устал, Поля. Безумно устал. Только ты моя радость.

- Пап... - я придвинулась ближе и обняла его.

- Я смотрю на тебя и затем на Марка. Вы такие разные. Ты - мое чудо, и он, намеренно выводящий меня из себя и делающий из себя убудка. Что я сделал не так? Где ошибся и что упустил?

- Пап, все будет хорошо. Марик, он...

- Иногда мне кажется, что он не мой сын, - внезапно произнес он каким-то надломленным голосом. - Что он просто не мой. Отвратительные мысли, понимаю.

Папа потер лицо ладонями и встал из-за стола, оставив ужин нетронутым. Он тоже поднялся к себе, а я еще долго сидела на кухне и...

Что было бы, если бы Марк действительно не?..

*Естественный отбор - основной эволюционный процесс.

*Чарльз Дарвин - основатель дарвинизма, создатель эволюционной теории, которая легла в основу современной синтетической эволюционной теории.

– Может, в другой раз? – с надеждой протянула я. – Вот в следующую субботу точно-точно пойду, я даже буду ждать тебя в самом клубе и...

– Угу, а потом ты внезапно найдешь неотложное дело, и обломается наша вылазка. Вставай! – подруга была непреклонна. – Хватит сидеть в четырех стенах! Мы едем в клуб, и это не обсуждается.

Я тяжело вздохнула и поднялась с теплой и мягкой постели. Суббота, уже почти восемь вечера, какой еще клуб? Я бы с радостью посмотрела фильм дома, закутавшись в плед и приготовив попкорн. Но куда-то идти? Вот зря я Карине открыла дверь. Надо было притвориться, что никого нет.

– Рин, у тебя еще есть время передумать. Марка нет дома, так что мы можем хорошенько повеселиться и...

– Довлатова, не зли меня, – девушка сложила руки на груди и окинула меня взглядом, обещающим мне все неземные кары, если не послушаюсь ее. – Я, между прочим, о тебе забочусь. Когда ты в последний раз отдыхала? По-настоящему, а не убегала посреди праздника, чтобы приготовить ужин Андрею Федоровичу или не тащила срочно к нему в офис?

Поджала губы и принялась искать одежду на вечер. Потому что Карина права. Я действительно не помню, когда развлекалась. Всегда не до этого: то какие-то проблемы дома, то учеба, то мы с братом ссоримся, то папе нужна помощь.

– Очень давно, Поль, – верно расценила мое молчание Рина. – Так что сегодня мы должны оторваться по полной! Когда я еще сумею тебя вытащить из твоей раковины?

– А тут неправда, – попыталась хоть как-то оправдать себя, – нет у меня никакой раковины. Я очень общительная.

– Конечно, – хмыкнула она. – Потому, когда к тебе подошел познакомиться мальчик из параллели в прошлом году, ты назвала свое имя и пошла дальше.

– Я откуда знала, что нравлюсь ему, и он хотел узнать не только мое имя? – смутившись, спросила я. – К тому же я тогда готовилась к зачету и не видела ничего, кроме своего конспекта.

– Окей. Вспомним тогда случай недельной давности. Тебе прямо сказали о своих чувствах и предложили встречаться, а ты?

– А я сейчас никуда не пойду! – вспыхнула я. – Давай не будем о том, что прошло? И вообще, лучше помоги мне с прической.

– И почему я с тобой дружу? – закатила глаза Ринка, беря со столика расческу и направляясь ко мне.

– Увы, на этот вопрос даже Вселенная не знает ответ. Возможно, я очень-очень классная, – легко пожала плечами. – Ну, или сделанный ведьмой приворот на дружбу до сих пор действует.

– Охотно верю во второе.

– Вот ты... язва! Нет бы сказать, что я самая лучшая.

– Будешь хорошо себя вести – скажу, – рассмеялась она.

Только час спустя мы оказались в холле огромного ночного клуба, переполненного людьми. Большое трехэтажное здание, оформленное в космическом стиле, мне сразу понравилось, даже несмотря на толкотню, возникшую у входа. Внутри было просторно, музыка, пускай и чересчур громкая, не раздражала, а разнообразие безалкогольных напитков добавил ему еще парочку звезд.

– Ох, Поля, – закатила глаза Карина, услышав мой выбор. Она же сразу заказала любимый коктейль "Голубые Гавайи".

– Пить не буду, – твердо ответила ей я.

– Твой выбор. Но потанцевать поташу во что бы то ни стало, – она сделала глоток лазурной жидкости.

Танцевать мне самой хотелось. На сцене выступала какая-то незнакомая мне группа, и их динамичные и звучные песни очень подходили для этого.

– Кстати, у меня тут такое! – подруга достала телефон, что-то быстро напечатала и, улыбнувшись мне, спросила: – Как тебе музыка? Нравится?

Я прищурилась. Подозрительный вопрос. Надеюсь, Рина не потащит нас вляпываться в неприятности?

– Допустим. И что?

– Поль, не волнуйся, все законно, – рассмеялась она. – У тебя было офигенское выражение лица! Видела бы ты его... Так, о чем я? О музыке... о музыкантах, точнее. Видишь солиста-красавчика с шикарным голосом?

Я повернулась туда, куда указал ее пальчик с пестрым маникюром, и вгляделась в скачущего на сцене и поющего с невероятной отдачей парня. Подкаченную фигуру ярко освещали разноцветные лучи, исходящие от софитов, и тени причудливо играли на лице, не давая его рассмотреть.

– И? – я снова вернула все свое внимание подруге.

– Я готова поспорить, что мы оба его знаем! – с той же широкой улыбкой поведала Карина.

И когда она успела опьянеть? Выпила же всего один бокал коктейля.

– Рин, кажется, тебе достаточно алкоголя, – осторожно начала, отбирая у нее новый напиток и вкладывая в ее ладонь свой мохито. – Среди наших друзей нет певцов, а лезть к чужим людям мы не станем. Лучше идем танцевать.

– Да не пьяна я. Еще не пьяна, поэтому можно, – девушка забрала у меня свой фужер. – Среди друзей и знакомых певцов действительно нет певцов, потому что Гоша и не певец! Ну, не профессиональный певец, я имею в виду.

Гоша? Напрягла память, чтобы припомнить хоть одного парня с таким именем, но ни одной зацепки не нашла.

– Карин, идем на танцпол. Я понятия не имею, кто такой Гоша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/roys_eva/lyubit-nel-zya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)